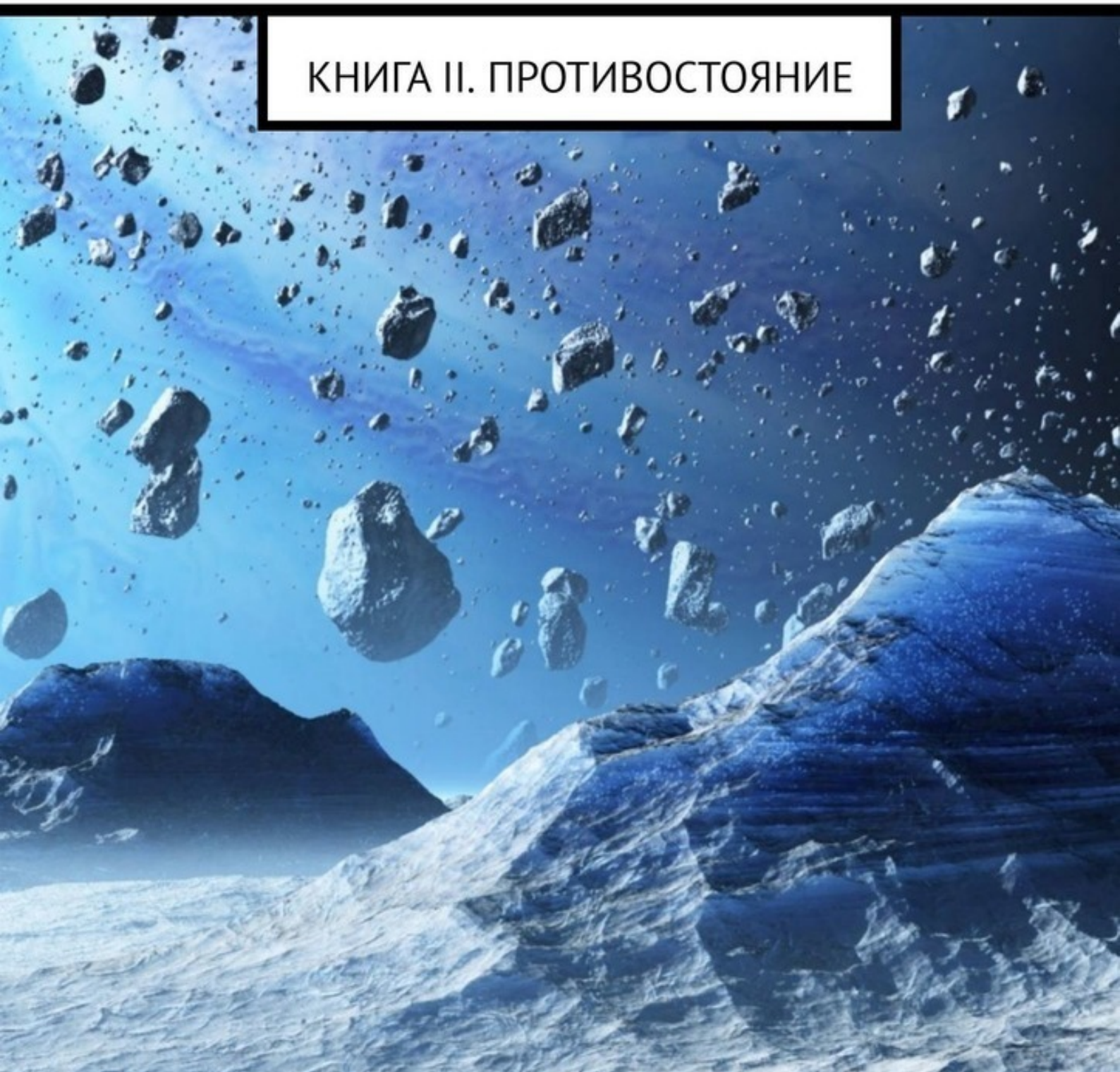

ЮЛИЯ ОБУХОВА
СЕРГЕЙ ЛИХАЧЕВ

Великолепные земляне

КНИГА II. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлия Обухова

**Великолепные земляне.
Книга II. Противостояние**

«Издательские решения»

Обухова Ю.

Великолепные земляне. Книга II. Противостояние /
Ю. Обухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968735-7

Первоначальная миссия по спасению Мероны откладывается, так как Мария узнает о том, что ее мать находится в плену у Императора зортеков, который объявляет о начале гладиаторских игр. Землянам придется разделиться. Маша отдаёт Юлёне свой магический кристалл и та, под видом краснокровной пленницы, участницы кулачных боёв, отправляется с пиратами на станцию Угласа.

ISBN 978-5-44-968735-7

© Обухова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Юлия Обухова и Сергей Лихачев	6
КНИГА II	7
Глава 13. Преобразователь тёмной материи	17
Глава 14. Воспоминания о Земле	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Великолепные земляне Книга II. Противостояние

**Юлия Обухова
Сергей Лихачев**

© Юлия Обухова, 2019

© Сергей Лихачев, 2019

ISBN 978-5-4496-8735-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-8731-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлия Обухова и Сергей Лихачев

**РОМАН – ФЭНТЕЗИ
ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ЗЕЛЯНЕ**

КНИГА II

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Глава 12. Земная память

— Я обещал тебе приятный сюрприз, — не без гордости сказал Углас своей пленнице, когда они вышли из транспорта. — Мне он обошёлся очень недёшево: командиры скоро перестанут уважать своего влюблённого императора, а к тебе в очередной раз подойдут ликвидаторов...

Углас, принявший облик русского гусара времён войны с Наполеоном, продолжал говорить о своих жертвах, но Тимберлитта уже слушала его вполуха. Хоть не верь глазам своим: она в солнечный летний день очутилась на поляне в Заветном лесу! Вокруг неё в нерегулярном порядке стояли гигантские дубы, некоторые их стволы скрывались в пёстром подлеске из клёнов и диких яблонь, на цветах медоносов суетились дикие пчёлы, по травинкам бегали муравьи, под ногами на пружинящей подстилке — вперемежку с резными коричневыми листьями — лежали прошлогодние жёлуди... Лёгкий ветерок слегка шевелил тёмно-зелёные кроны, в воздухе стоял родной и желанный запах дубового леса...

Неужели я на Земле, лихорадочно соображала Тимберлитта, всеми силами стремясь подавить свой восторг и запрещая волне сладких воспоминаний накрыть её с головой и тем ослабить занятую перед похитителем позицию непреклонного межгалактического маяка. Нерегулярность вообще отсутствует в мире зортеков: у них всё выстроено или переоборудовано в ровные ряды, решётки, квадраты и треугольники, в пирамиды или кубики, в неизвестные ей композиции симметричных фигур. Откуда было в логове Угласа, на секретной военной базе Империи, взяться нерегулярно посаженному дубовому лесу из её детства и юности? Что он опять задумал? Какой-то он сегодня озабоченный и не слишком уверенный. В Империи что-то стряслось!

Поначалу Углас просто держал её в полной изоляции, даже от Аркасии, подруги, и это ей было понятно: он стремился лишить её возможных случайных источников пополнения магических сил и дать время свыкнуться с мыслью, что теперь она будет с ним. Всё время, проведённое в плену, она чувствовала настойчивые попытки своего похитителя мягко проникнуть в её внутренний мир, но терпение его явно заканчивалось.

— Чего тебе от меня нужно, Углас? — спросила Тимберлитта, оторвавшись от созерцания леса. — Ты способен на откровенность?

— Время откровенности пришло, — сказал Углас, принимая галантную позу. — Когда-то я с лёгкостью проник в мир мероницев...

— И ключом к этому стал их Кодекс?

— Да. Глупцы упорно следовали ему, даже ощущая на себе последствия многих его несуразностей. Узнав механизм принятия решений у противника, я легко вычислил его уязвимости и покорил две планеты Союза.

— Не совсем покорил... Правда, в последнее время мне кажется: ты намеренно не добываешь Олару и Мерону. Я права?

— Мервуд добывается — с нас достаточно, а сами эти планеты мне не нужны.

— Теперь Империи нужна Земля?

— Да! Но Земля стоит на отшибе, там ещё не сложилась единая планетарная нация, как на остальных шести планетах Союза, и нет общего для земного человечества Кодекса. Конечно и там уже говорят о мировом правительстве, и богачи даже исподволь его создают, но ситуация зависит от концентрации денег или непобедимого вооружения в руках единиц или даже одного человека, а до этого ещё далеко даже по нашим временным меркам. Изоляция Седьмой

планеты сыграла со мной злую шутку. Земляне агрессивны и привыкли воевать, они обладают бесстрашием и легко идут на самопожертвование, у них ничего святого в мировоззренческом смысле. Земляне в будущем представляют угрозу для Империи зортеков, да и для других цивилизаций. Они готовы начать покорение уже сегодня — отчаянных путешественников и головорезов хоть отбавляй. Им, как и мне когда-то, стало тесно на родной планете. Они, точно как я, могут начать с торговли и представительства, а закончить военным нашествием. Проникнув в другие цивилизации, сразу примутся их воспитывать, а кто земному перевоспитанию не поддастся — тех ликвидируют. За примером, дорогая, далеко ходить не надо: ты первая прилетела с Земли, прилетела без злых намерений, а сколько сразу дров наломала! Дело за техникой — а она скоро у землян будет.

– Да, на Земле время сейчас летит быстрее... — сказала Тимберлитта, глядя ладонью кору на стволе дуба.

Она вспомнила о дочери. Если малютку всё же отвезли на Землю, и она прожила там обычную жизнь, то давно уже должна лежать в могиле. А какую ещё жизнь могла прожить её дочь, если, как рассказала Аркасия, все сопровождавшие её погибли на Мероне? Челнок взлетел, но как старая посуда могла оторваться от истребителей зортеков? Согласно Кодексу, в случае гибели всей команды правительственный челнок должен быть запрограммирован на возврат к точке старта или, в чрезвычайных случаях, на следование к межпланетарной базе Союза колыбелей — а в такую даль некормленому ребёнку никак живым не добраться. Как-то Дерби рассказывал ей о чудесном бортовом биокомпьютере на челноке, но чем компьютер каждые три часа будет кормить человеческого ребёнка — своей болтовнёй?

Тимберлитта наблюдала за Угласом: тот с неподдельным любопытством разглядывал Заветный лес, нагибался к траве и цветам, смахивал паутину, слушал птиц...

Углас, понимала Тимберлитта, задался целью познать тонкий мир землян: он хотел научиться думать и чувствовать, как земляне, чтобы победить их малыми силами. Пусть на Земле нет мервуда, зато есть другие дефицитнейшие во Вселенной ресурсы, и благоприятные условия для жизни зортеков, если только воду сделать тяжёлой, но с этим учёные быстро справятся. Главное: на Земле много воды, единственного во Вселенной вещества, которое может быть в трёх состояниях: жидком, газообразном и твёрдом. Это универсальное топливо будущего: надо только научиться преобразовывать тёмную материю для расщепления молекул воды на водород и кислород, чтобы создать, по сути, вечные двигатели для полётов во все разползающиеся углы Вселенной.

Ликвидировать её Угласу не было никакой выгоды, думала Тимберлитта. Все независимые цивилизации измеримого сектора Вселенной осудили бы Угласа за умерщвление известной личности в статусе межгалактического маяка. А молодая Империя зортеков слишком слаба и осторожна, чтобы нарываться на всеобщее порицание. Напротив, Углас должен заискивать перед более сильными цивилизациями, стремиться заполучить их в союзники или, хотя бы нейтрализовать, пока ни проглотит первую свою добычу — Союз Семи колыбелей.

Общаясь с нею, он всегда принимал человеческий облик. Тимберлитта не знает, кто консультировал Угласа, но далеко не всегда эти облики были подходящими. В последнюю встречу он обернулся дедом Морозом с ватной бородой и предложил Тимберлитте обернуть её Снегурочкой. Но она объяснила: это у обычных русских людей Дед Мороз и Снегурочка положительные сказочные персонажи для малых детишек, такими их сделали советские коммунисты после победы над капиталистами. Зачем так сделали? Им не хватало фетишей для нового оформления старых праздников, а у русских магов, знающих истоки персонажей, архетип Деда Мороза — это некрасовский Мороз, Красный нос и царь Мороз из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» — то есть чёрный демон, образ холодной смерти, и Снегурочка ему под стать — она своевольная магиня. Земляне-мусульмане тоже их обоих считают чёрными демонами...

— Такими как ты, Углас, — добавила она, смело глядя в его глаза. — Так что, обрядившись в русского Деда Мороза, ты для меня остался самым собой. А вот я не Снегурочка, хотя и магиня, как она.

— Расскажи мне эту сказку, — попросил уязвлённый Углас, едва сдерживая свой гнев. — Мои советники уверяли: нам с тобой подошли бы образы Деда Мороза и Снегурочки с магического праздника Новый год в русском детском саду. «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...» — вполне прилично запел Углас слащавым «детсадовским» голосом.

«Значит, они давно следят и изучают Землю», — поняла Тимберлитта. — «Нужно побольше узнать об этом и предупредить...»

Рассказать о чёрном маге Морозе? И Тимберлитта начала свой рассказ. Есть поэма Некрасова «Мороз, Красный нос». Сюжет таков. Русский мужик Прокл, занимаясь зимним извозом на санях, простудился и умер, и суровым утром Савраска свёз хозяина в последний путь. Бедная Дарья, вдова Прокла, после похорон в тот же день отправилась в лес за дровами. По дороге через блестящую от снега равнину в глазах Дарьи показываются слёзы, а когда она въезжает на дровнях в могильные покои леса, из груди её вырывается «глухой, сокрушительный вой». Лес равнодушно внимает вдовьим стоном, навеки скрывая их в своей нелюдимой глуши. Не отерев слёз, Дарья начинает рубить дрова «и, полная мыслью о муже, зовёт его, с ним говорит...» Она воображает себе зимние ночи без милого мужа, и представляет бесконечные полотна, которые станет ткать к женитьбе сына. С мыслями о сыне приходит страх, что сельская община отдаст Гришу в рекруты, ибо некому теперь за него заступиться. Сложив дрова на дровни, Дарья собирается домой. Но потом, машинально взяв топор и тихо, прерывисто вой, подходит к сосне и застывает под нею «без думы, без стога, без слёз». Тут-то к ней и подбирается Мороз-воевода, обходящий свои владенья. Он машет над Дарьей ледяной булавой, манит её в своё царство, обещает приглубить и согреть... Дарья покрывается сверкающим инеем, но снится ей жаркое лето. Ей приходит видение: она копает картофель на полосах у реки. С нею дети и любимый муж, а под сердцем бьётся ребёнок, который к весне должен появиться на свет. Заслонившись от солнца, Дарья смотрит, как всё дальше уезжает воз, в котором сидят Прокл, Маша и Гриша... Во сне она слышит звуки чудесной песни, и последние следы муки сходят с её лица. Песня утешает её сердце, «в ней дольнего счастья предел». Забвенье в глубоком и сладком покое приходит к вдове со смертью, её душа умирает для скорби и страсти. Белка роняет на неё ком снега, а Дарья стынет «в своём заколдованном сне...»

— И я, по-твоему, Мороз-воевода? Предтеча смерти?

— Ты убил сотни тысяч оларийцев и меронян.

— И ваши магические воеводы уничтожают миллионы людей и природу.

— Увы. Но таким прощения нет.

— А чем плоха Снегурочка? Когда я тебя забирал с Мероны, ты мне и представлялась наподобие Снегурочки — избранной девушкой, коронованной в ближних галактиках, хотя и слабоватой магиней. Я никак не пойму, за что тебя короновали в межгалактические маяки? Я от имени Империи голосовал «против». По Кодексу Мероны, ты выходишь такой же, как Снегурочка, незаконной, чуждой, тёмной магиней. С твоим появлением на Мероне в обществе произошёл политический раскол, а благодаря твоему стороннику, безумцу Дергану, из-за тебя треснуло общество и на Оларе. Меронийцы вскоре и без меня перерезали бы друг друга. Зачем ты добилась популярности и взялась переустраивать жизнь в Союзе на земной лад? Сегодня твои сторонники подались в партизаны и приносят мне беспокойств и потерь больше регулярной меронийской армии... Чему полезному земляне могут научить другие цивилизации? Сидели бы вы лучше дома!

— Я и сидела дома, в своём Заветном лесу на Земле, пока ты не напал на Мерону...

Так они говорили в последнюю встречу. А сейчас Тимберлитта шла вдоль кромки лесной поляны, стараясь не наступать на большие цветы. Скоро она наткнулась на бугорок, весь

покрытый спелой лесной клубникой. Тогда стала собирать и есть ягоду. Углас стоял рядом в гусарской форме. Шпоры его сапог забились травой и вязли в земле, не звенели. Опять промахнулся! Чувствовал он себя всё более неловко и глупо, огородным пугалом, что советникам его могло стоить голов.

– А сегодня расскажи мне про оперу, — сказал, наконец, Углас. — Я так и не понял, почему я Дед Мороз, а ты не Снегурочка.

И Тимберлитта начала рассказывать сюжет оперы Римского-Корсакова «Снегурочка». Мёртвое царство Мороза, полночь. Леший провозглашает конец зимы. Возвращается Весна, лес оживает. Весна признаётся птицам: она скучает по тёплому Солнышку, а здесь, на Севере, её поджидают ревнивый Мороз и его дочка Снегурочка. Незаконное рождение Снегурочки разгневало Ярилу-Солнце, и в мире с тех пор царит разлад. Весна пытается согреть птиц, но тут появляется Мороз. Его ревность и нерешённая судьба выросшей дочери вызывают ссору Весны и Мороза, который предрекает гибель Снегурочки от любви. Родители решают оставить Снегурочку людям, отдав в семью бездетного Бобыля, и зовут дочь. Она тоже просит родителей отпустить её к людям. Мороз поручает Лешему охранять Снегурочку, прощается с дочерью и исчезает. Весна вступает в свои права. Берендеи среди ночи приходят в мёртвый лес для совершения обряда изгнания зимы, проводов Масленицы и зазывания весны. Бобыль и Бобылиха замечают Снегурочку — «боярышню». Снегурочка предлагает им стать их дочкой. Она прощается с лесом, лес отвечает ей, заставляя берендеев пасть ниц перед магической силой Снегурочки...

– Магической силы Снегурочки? — ухмыльнулся Углас и, не по-гусарски торжествуя, срезал саблей кустик клубники и положил в рот несколько ягод. — Снегурочка всегда вносит разлад...

Снегурочка приходит в царство Леля, к людям, продолжала Тимберлитта. Лель помогает ей делать первые шаги по земле берендеев, но быстро уходит к другим девушкам. Не понимая, почему Лель не остался с ней, Снегурочка ощущает сердечную боль. Тут является Купава: она перед всем честным народом рассказывает Снегурочке о своём счастье и благополучии. Приплывает Мизгирь, жених Купавы, и выкупает невесту. Дав клятву Купаве, Мизгирь замечает Снегурочку. Но ни признание в любви, ни подкуп Бобыля и Бобылихи, не помогают ему завоевать девушку, она остаётся безучастной. Купава же приводит берендеев и проклинает Снегурочку и Мизгирия. Народ требует царского суда над изменником и осуждает Снегурочку.

– В русских сказках тоже действует Кодекс? — почти обрадовался Углас.

– Скорее набор устоявшихся правил.

Слепые гусяры, продолжила Тимберлитта, вещают царю Берендею о радостной и спокойной жизни в его царстве. Но царь, чувствуя неправду, предлагает в Ярилин день собрать всех влюблённых в зачарованном лесу и наутро объявить их мужьями и жёнами — тем самым попытаться восстановить в сердцах людей любовь.

– «Как всё запущено» — так говорят русские? А этот мой лес похож на зачарованный? — не без гордости за своё создание спросил Углас.

– Да, спасибо: один раз угодил. Приходит Купава, она рассказывает царю обо всём, что случилось между ней, Мизгирём и Снегурочкой. Берендей объявляет суд над Мизгирём. На суде Мизгирь отрекается от Купавы: он любит Снегурочку. За столь бесчестный поступок Берендей приговаривает Мизгирия к вечному изгнанию. Появляется Снегурочка с Бобылём и Бобылихой. Потрясённый Берендей не верит, что такая красивая девушка может жить без любви. Мизгирь и Лель вызываются исполнить просьбу царя «зажечь Снегурочки нетронутое сердце». Царь открывает берендеям дорогу в зачарованный лес. Сопровождаемые Лелем и шаманами, влюблённые отправляются в путь. За верную службу царь разрешает Лелю выбрать девушку, которая наградит его поцелуем. «Возьми меня», — просит Снегурочка, но Лель выбирает Купаву. Снегурочка остаётся во дворце совсем одна. Появляется Мизгирь

и пытается силой завладеть Снегурочкой. Леший встаёт на её защиту и заводит Мизгирия в зачарованный лес. Мизгирь блуждает по зачарованному лесу в поисках любимой. Светлое видение Снегурочки ведёт его по лесным лабиринтам. Снегурочка видит встречу Леля и Купавы. Её страдания становятся невыносимыми. Она отправляется к своей матери, Весне, готовая отдать за дар любви всё, даже собственную жизнь. Снегурочка зовёт мать. Весна поднимается из вод озера. Это последний час, когда она царит в земле берендеев — с рассветом наступит лето. Весна возлагает на голову дочери венки. С этого момента Снегурочка лишается дара бессмертия, вступая в земную жизнь. Прощаясь, Весна предостерегает дочь от смертельной опасности, но Снегурочка идёт навстречу любви и людям. Встретив Мизгирия, Снегурочка говорит ему о своей любви, которая приведёт её к гибели. Мизгирь, отвечая на её признание, не верит, что их счастью что-то может помешать. Выходит солнце. Собираются берендеи, начинается обряд посвящения женихов и невест. Снегурочка, выходя к солнцу, пред царём и народом открывает свою любовь к Мизгирию. Пророчество Мороза сбывается — Снегурочка гибнет, тая в солнечных лучах. Мизгирь с горя бросается в озеро и погибает. Жертва Снегурочки возвращает Берендеям чудо любви и света.

– Да у вас в сказках одни трупы! Мне далеко до кровожадности вашего Деда Мороза. Мне, самому сильному магу, нужен всего лишь мервуд, а ему подавай души.

– Ты убиваешь невинных...

– Я уже давно отменил приказ уничтожать всё живое. Теперь мы ликвидируем только тех, кто сопротивляется. Странно: после очевидных зверств Деда Мороза и Снегурочки вы их определили в сказочные воспитатели своих детей! Земляне, я вижу, не отделяют содержание, суть от формы. У зортеков нет сказок и всяких выдумок. Глупо забивать ограниченный разум такой ерундой. Но мне нравятся твои рассказы. Я скоро начну понимать землян, и тогда...

Углас не договорил, но Тимберлитта и без того знала: её тоже используют, чтобы найти уязвимости землян и потом напасть. Но не говорить, не общаться с Угласом, она не могла: как тогда узнаешь намерения врага? Как узнаешь о судьбе своих близких?

А Тимберлитта, вопреки режиму изоляции, смогла многое вызнать. Главное: она узнала многое о биологии зортеков. Они не просто бесполое существа. Они могут жить и в животной форме, и в растительной. Когда Тимберлитта это открыла, то сначала пришла в ужас: ведь тогда зортеки могли мириадами высадиться на облюбованной планете в форме спор, пыльцы или ещё какой-то мелкой структуры. Размножаются они и вегетативно: в определённом возрасте по сигналу извне организм зортека перестраивается и обретает свойства растения. Но в растительную форму взрослые особи могут преобразоваться только на своей родной планете, используя её силы и комплексы каких-то специфических веществ и света. Значит, всё размножение сосредоточено лишь на одной планете, а цикл размножения и выращивания потомства ещё посложней, чем у людей. Это и есть главная уязвимость зортеков: им не хватает взрослых особей для масштабного захвата планет. Где находится материнская планета зортеков, никто не знает, даже сами зортеки. В мирное время зортеков было достаточно, но как только они столкнулись с Мероной, стали нести потери, войск перестало хватать. А тут ещё партизаны!

– Лезвие сабли из меронийского мервуда? — спросила Тимберлитта, чтобы только продолжить разговор.

– Конечно. Смотри!

Углас выхватил саблю, подбежал к стволу ближайшего дуба, размахнулся, и наискось ударил. Лезвие разрезало ствол на всю длину сабли, но эта длина была меньше толщины ствола: дерево вздрогнуло, но устояло. Как по сердцу резануло Тимберлитту. Видя, что Углас собирается, зайдя с другой стороны дерева, ударить его, чтобы срубить, она крикнула:

– Достаточно! Я убедилась: клинок не бутафорский. Откровенность на откровенность: я описываю тебе цивилизационный менталитет землян, твоего потенциального противника, теперь твоя очередь.

– Спрашивай.

– Ты стал терять интерес к мервуду, воюешь как-то вяло. В чём дело?

Углас испытующе посмотрел на Тимберлитту. Он явно колебался: отвечать или нет?

– Теперь мервуд — всего лишь отвлекающий манёвр, — наконец, ответил он. — Мервуд как цель был сначала, когда я по неопытности дальше своей Империи ничего не видел. А как выбрался на оперативные просторы, узнал: объявилась таинственная молодая цивилизация. Она даже не вошла ещё во Вселенскую Энциклопедию Дергана.

– Чем же она опасна?

– Новый игрок на вселенской сцене... взялся за изучение тёмной материи серьёзно, и очень быстро и далеко продвинулся. Цивилизация даже начала уже было создавать опытные образцы преобразователей, трансформаторов тёмной энергии, как...

– Как что?! — не вытерпела Тимберлитта по-женски.

– ...Как раскололась почти пополам! А эти половинки стали цивилизациями-антиподами! В Союзе Колыбелей этого не знают, это информационный подарок тебе, в доказательство моего доверия. Так, по земным меркам, ведут себя в паре?

– Не совсем... Потому что это и свидетельство: теперь ты меня не отпустишь. Я твоя пленница, а не пара. Рассказывай суть!

– Цивилизация раскололась по принципиальному спору: одна половина, назвавшая себя шункетами, хотела использовать тёмную энергию для военных целей, для захвата Вселенной; другая, назвавшая себя гепестами, — в мирных целях, считая такой захват негуманным и опасным.

– Чем опасной, для кого опасной, если речь идёт о захвате всей Вселенной?

– Гепесты рассчитали: немирное использование тёмной энергии способно нечаянно обратным мгновенным сжатием материи уничтожить всю разумную и биологическую жизнь во Вселенной.

– Обратным распадом химических веществ?

– Да, вся материя распадётся на элементарные частицы, а те должны сжаться...

– Я поняла, продолжай.

– Между антиподами началась гражданская война, и шункеты вытеснили гепестов из родной галактики. Гепесты — случайно или нет — рассеялись именно в том секторе, где находится моя Империя и ваш Союз колыбелей. Я не верю в случайности...

– Думаешь, у них здесь есть какой-то союзник?

– Уверен в этом.

– Почему победили шункеты?

– Пленные гепесты рассказали: в их изначальной цивилизации было строгое кастовое устройство общества: одни — военные, другие — учёные и инженеры, третьи — рабочие, четвёртые — дающие и воспитывающие потомство, пятые...

– Ясно. На Земле кастовости почти не осталось.

– Военные не могут инженерить и участвовать в размножении, учёные и рабочие не могут воевать и размножать популяцию... Среди сторонников завоеваний оказалось больше военных, среди сторонников мирного использования тёмной материи — учёных.

– Как на Земле в отношении использования атомной энергии: ничего нового под луной.

– Споры ни к чему не привели, а в прямых боестолкновениях военное большинство, естественно, победило. Но шункеты сделали ошибку — позволили гепестам удрать. Те захватили часть часть военного флота и на нём рассеялись по союзным мирным цивилизациям.

– И унесли с собой ключевые научные и технологические разработки?

– Именно! А теперь шункеты опомнились: они настоятельно предложили всем цивилизации ловить гепестов и уничтожать, а касты учёных и инженеров передавать им, за большое вознаграждение.

– Шункеты опасаются, что учёные гепесты соберутся вместе и устроят на тёмную материю новый мозговой штурм?

– Конечно! Я тоже начал ловить гепестов, но учёные пока не попадают.

– Почему?

– У меня такое предчувствие, что они уже где-то тихо сидят и работают, а другие касты гепестов ничего об этом не знают.

– Учёные гепесты не вечны: им необходимо общаться с кастами родителей и воспитателей.

– Знаю. Есть признаки... — Углас опять испытующе посмотрел на Тимберлитту...

– Что гепесты прячутся на Земле? — договорила Тимберлитта, стараясь не выдать своего волнения.

– Да. Моя разведка нашла два входа в другие измерения: в Заветном лесу, который я для тебя здесь воссоздал, и в Марианской впадине на дне Тихого океана.

– До глубины одиннадцать километров вам не добраться. Зортеки боятся глубинных подземных и подводных сред.

– Пока не добраться. Уже постоен из мервуда первый глубоководный батискаф: он выдержит нужное давление в тысячу сто земных атмосфер. А погружаться будут роботы: они смонтируют воздушную трубу до поверхности океана, и тогда мы зайдём.

– Вас не пустят, как не пустили в Заветном лесу.

– Пока не пустили.

– Гепестов там нет.

– Могут быть.

– Почему ты так боишься шункетов?

– Если шункеты, опасаясь достижений своих антиподов, двинутся в нашу сторону, никому не поздоровится. И в первую очередь Союзу колыбелей и твоей родимой Земле.

– Это только если обнаружится, что именно на планетах Союза прячутся их антиподы.

– Не «только если». Шункетам легче не разбираться и искать по сотням тысяч планет, а уничтожить всех заподозренных. У моей Империи всего несколько сотен боевых крейсеров, линкоров и платформ, а у шункетов — армады, каждая в сто тысяч кораблей с неизвестным вооружением. Я этого ничего не знал, когда начинал захват Колыбелей. Теперь, чтобы выжить, мне нужен союз или хотя бы нейтралитет с шункетами. Моя Империя должна доказать, что может быть союзником, а не досадной помехой.

– Ты продаёшь им мервуд?

– Только что начал отгружать. Первые четыре транспорта ушли, но...

– Что?

– Твои партизаны один оплаченный шункетами транспорт отбили и угнали неизвестно куда. Это почти катастрофа! Как я оправдаюсь?! Теперь и у меронийцев есть листовой мервуд...

– У них нет технологий.

– Нет. Но давно бы уж могли появиться, догадайся Дерби привлечь инженеров с Олары.

– Команду Дергана?

– Да. Единственную состоятельную команду инженеров в Союзе.

– На Земле инженеры не хуже найдутся.

– Пожалуй...

– Недальновидность хранителей Мероны меня всегда удивляла...

У Тимберлитты сильно забилося сердце, и она не смогла сдержать торжествующей улыбки: всё-таки она пока ещё больше женщина, чем магиня. Тимберлитта обняла ствол дуба, прижалась и вдруг явственно услышал звук звёздного ветра. Такой слабый и родной. Но... этот звук натуральный или постановочный? Вот что теперь её волновало больше всего. Как узнать? Через окно к звёздному ветру она могла бы набраться магических сил!

– Ну, «мои партизаны» — громко сказано, — резко отстранившись от дерева, сказала Тимберлитта. — На Земле любая большая война не обходится без партизан.

– Вот именно: «на Земле». Я знаю от пленных: это ты надоумила Дерби и Совет старейшин отдать последние меронийские истребители своим сторонникам и воздыхателям, и они заделались партизанами.

– И я оказалась права. Партизаны действуют не по Кодексу, найди-ка, Углас, у них слабину. Партизанская армия, я уверена, растёт.

– Растёт. У них новый боевой клич: «Тимба!»

– «Тимба»?!

– «Мы или другие!» уже не кричат: теперь их знамя — ты.

– Не я — мой детский образ. Они хотят меня защитить. Как это всё по-земному... Они даже не знают: жива ли я.

– Не знают. Летают на стареньких самоварах, но в прямых боестолкновениях мы им часто проигрываем. Я оголил фронт на Оларе, потому что весь воздушный флот пришлось бросить на борьбу с партизанами. Я не могу позволить себе нести такие потери. Мои солдаты и офицеры тебя ненавидят. К тебе уже трижды подсылали ликвидаторов, но моя охрана их обезвредила. Одна ты можешь угомонить партизан.

– Я, пленница, угомонить своих последователей и поклонников?! Которые с моим именем на устах умирают?! Ты по-прежнему не понимаешь людей. У меня нет мотива.

– Есть мотив: я верну тебе дочь!

Тимберлитта замерла. Мысли взвились и роями понеслись, не предлагая решений. Главное: её дочка жива! Жива! Сколько ей земных лет? Какова плата за её возвращение? Да и можно ли назвать это возвращением? Или Машу тоже похитили?

– В условиях войны такая сделка выходит вполне земной, — полусказал-полуспросил Углас.

Тимберлитта понимала: Углас на сей раз не блефует. Очевидно, партизаны сильно расстраивают его планы, создают угрозу едва завязавшемуся сотрудничеству с шункетами. Она уже смирилась с мыслью, что Тиамаф, её муж, не сможет помочь выбраться из плена, если он вообще жив. Тимберлитта боялась, что сейчас она слишком женщина, чтобы принять правильное решение. Магиня в статусе межгалактического маяка не имеет права поддаться материнским чувствам. Она сама когда-то была частью звёздного ветра...

– Покажи, наведи экран на ствол дуба, вот сюда, — указала она Угласу на место, где только что слышала родной шум звёздного ветра.

Углас одним движением глаз открыл экран. И Тимберлитта увидела свою дочь: сначала в пионерском лагере в облике «девицы под окном», у ночного костра, потом во время нападения спецназа зортеков на поляне, у ствола дуба. Сердце матери бешено колотилось, мысли разбегались. Она не знала, как реагировать.

– На вид, ей лет пятнадцать, — сказала, наконец, Тимберлитта.

– Да. Школьница. Где-то отсиделась, кто-то её сохранил.

– Твоя разведка её прошляпила.

– Да. На Земле загадок оказалось куда больше, чем на Мероне. Я спас её только ради тебя, — вкрадчиво добавил Углас.

– Оставь! Скорее решил пленить. Где моя дочка сейчас?

– Летела на Мерону на моём крейсере и под моим присмотром. Но «смотрящих» пришлось отозвать — кто-то десантировался на Олару, и я вынужден был... Я готовлю твоим партизанам большую ловушку...

– Значит, сейчас её у тебя нет.

– Я не стал сбивать корабль с твоей дочкой, хотя легко мог это сделать. Но однажды, стыдно признаться, они ловко оторвались от моего спецназа: я, когда разобрался, даже приказал их манёвр взять на вооружение.

– Подростки сделали твой хваленый спецназ?

– Да, — сразу помрачнел Углас. — С землянами придётся повозиться. Впервые я бит настоящему — неожиданно и быстро. И кем бит — школьником! Каждый новый противник — новая школа...

– Где этот «школьник» здесь? — обратилась Тимберлитта к экрану. — Не надо, сама поняла, — сразу добавила она, выглядев Ивана, как он сидит у костра посреди двух приобнявших его подруг, и как он, высунувшись из-за ствола дуба, направляет на десантников Угласа какую-то железяку.

– В твою честь я затеваю межгалактические гладиаторские бои, — сменил неприятную тему Углас и с выражением добавил, — по земным правилам, точь-в-точь как на аренах Древнего Рима. Твоё присутствие на боях должно выглядеть символом добровольного присоединения планеты Земля к Империи.

– У меня нет полномочий на присоединение, ты знаешь. Обо мне и об институте хранителей на Земле никто и не знал. Бедная моя девочка... Летит по стопам безумной матери...

– Ну-ну, не раскисать! Я припас хорошую роль и для твоей дочери. На первой стадии присоединения Земля пусть окажется под патронатом Империи. Я пригласил шункетов на представления. Они свирепые вояки — им кровавая бойня по земным правилам должна очень понравиться.

– А как шункеты и гепесты выглядят?

– Живём я шункетов не видел, их никто не видел. Но внешне они должны быть неразличимы с гепестами. Может быть, различия появятся позже, когда их эволюционные пути разойдутся.

– Покажи гепестов.

Углас вывел на экран пленных гепестов.

– Как маленькие медвежата, — сказала Тимберлитта.

Она сразу вспомнила, что видела этих медвежат в мире мавелов, когда была у них в гостях. Что затевает Углас с этими гладиаторскими боями? Срочно нужно отыскать Аркасию...

– Я согласна присутствовать рядом с тобой на гладиаторских боях. А ты, пожалуйста, оставь мне этот экран с каналом и разреши приходить в Заветный лес без твоих тюремщиков. И позволь встретиться с Аркасией: ты вдруг отрезал мне связь с ней.

– Твою подругу застигли за считыванием секретных данных о структуре Империи. Даже ваши тупые хранители догадались закрыть всю информацию о Мероне, а моя Империя изначально была скрыта. Пришлось разведчицу ликвидировать.

– Убить?!

– А разве это не по-земному? Идёт война, она противник. Её дети сейчас воюют со мной, выполняют правительственную миссию, что может привести Империю к очередному локальному поражению на Мероне.

Пока оглушённая Тимберлитта оседала на траву, Угласу пришёл вызов.

– Вместо партизан в ловушку угодит твой бывший муж! — торжествуя, объявил Углас.

– И Тиамаф жив... — восторженно воскликнула Тимберлитта. — Он не бывший!

– У себя под носом он проморгал жену и новорождённую дочь... По земным меркам, Тиамаф простофиля и неудачник — и ты это знаешь. Зачем тебе, великой Тимберлитте, межгалактическому маяку, муж-слабачок?

– И такие мужья бывают: русские женщины привычны. Он отец моей дочери.

– Просто он первый мужчина, который тебе подвернулся. Земляне влюбляются в тех, кто случится рядом — и потому часто влипают в истории. Магия покинула тебя на один миг — и ты влипла. Земля не закрывает информацию о себе, и мы многое о вас уже знаем. Даже на глупой Мероне тебя все жалели: на пафосе момента великая спасительница вышла замуж за ординарную личность, за апологета Кодекса. А у нас с тобой мог бы выйти прочный союз с дальним прицелом. Зортеки тоже, можно сказать, влюбляются, но наша любовь не связана с размножением. Совместных детей у нас с тобой быть не может, но я приму твою дочь, а сам, придёт время, по нашим правилам разрожусь наследником Империи.

– Отдаю тебе должное, Углас: ты интересный мне бесстрашный целеустремлённый экспериментатор — это вполне по-земному. Родиться бы тебе не зортеком! Мечтаешь, конечно, чтобы и тебя объявили межгалактическим маяком, и нам создать звёздную пару.

– Так берёшь меня в мужья? По неслучайной любви.

– На брак с тобой откуда мне взять любовь?

– Будто не знаешь: когда вернутся к тебе магические силы, из них сможешь черпать и для новой любви. Ты же учуяла сейчас звёздный ветер, — сказал Углас, улыбнувшись. — Не бойся: я сам приоткрыл окно в куполе. Пусть это будет нашей первой семейной тайной. Я тебя люблю... как могу. Возьми немного силы от своего звёздного ветра: сейчас ты боишься принимать решения, потому что бессильна.

– С Марией земной кристалл. Если ты, как обещал, привезёшь дочь ко мне, я могу... нет, я буду должна обрести силу кристалла, я стану прежней магией. Ты сам разве меня не боишься?

– Мне пора рисковать: шункеты припёрли. Да я уже давно рискую жизнью, предлагая тебе союз: вся имперская элита против такого союза и требует твоей ликвидации. Они считают великую Тимберлитту опасной шпионкой и потенциальной диверсанткой, и твоя неуклюжая подруга убедила их в этом окончательно.

– Ты просто спаситель мой...

– Так выходит по фактам! — резко сменил тон император.

Сказав это, Углас обратился в зортека.

– Гусаром ты мне нравишься больше.

– Увы, дела заставляют покинуть тебя.

– На Земле, когда мужчина без объяснений покидает женщину, она обижается.

– Хитра... Лечу встречать твоего Тиамафа. Вернёмся в самый раз к гладиаторским боям... Я буду драться с ним сам!

Глава 13. Преобразователь тёмной материи

Ещё когда Дерган работал на ремонтной базе космодрома Олары, его потрясли размеры и характер дыр в имперском крейсере, на котором прилетели земляне. И как только по тревоге взлетели, он подступил к астронавтам с расспросами. Словоохотливая Юлёна, польщённая вниманием самого учёного в этих краях мужа и восторгом в глазах Синтаро, пустилась в рассказ о своих похождениях на корабле.

– Только без заносов, — предупредила её Маша. — Ты не в компашке туристов у ночного костра.

– Когда стенки помещения уже почти сжались, карапубздик, ну или гепестик, ожил. Я спасла его: грудью своей отогрела, как в сказке!

Юлёна умолкла; она приосанилась, расправила плечи и выразительно посмотрела на Синтаро и Нибару, давая понять им, да и всем остальным, чья грудь на крейсере самая лучшая и полезная.

– В какой сказке, Юль? — сказал Иван. — Давай по делу, я записываю на диктофон.

– Не перебивай! — отрезала Юлёна. Она ощущала себя, наконец-то, восходящей звездой и не могла допустить проявлений неуважения. — События невиданные и неслыханные: значит, сказка! Все поняли? Не слышу ответа! Все поняли?!

– Все-е-е!!!

Юлёна почувствовала себя на вершине блаженства. Автопилот вёл корабль на Мерону, и вся рубка томительно замерла в ожидании её рассказа. Вдохновение просветителя овладело девушкой:

– Мой карапубздик очнулся, когда между сходящимися стенами оставалось всего-то метра с два. Я элементарно на пальцах объяснила карапубзу трагическое положение вещей. А он нам с Машкой всё время слабенько улыбался, будто не понимал. Как потом оказалось, карапубз мой примерно знал устройство имперского корабля, и знал о свойствах мервуда. Я — ему: думай, карапубз! Времени осталось десять минут! Лепёшками станем! Он вдруг взял меня за кисть руки, отогнул мой указательный палец и ногтем стал водить туда-сюда по одному месту на своей голени правой ноги. А у самого-то пальцы на руках и ногах без ногтей. У меня — смотрите! — ногти тоже короткие: Леночка Сергеевна всех заставила состричь перед выходом в лес на «Зарницу», но за время полёта успели уже отрасти. Тогда меня осенило: его ногу надо чем-то резать! Когда припрёт, можно и резать! Я вынула из аптечки скальпель и подала больному...

– А зачем в автоаптечке скальпель? — сказала Маша. — Я и не знала, что у тебя хирургический скальпель с собой.

– На всякий лихой случай. Или забыла схватку на футбольном поле? Иди-ка без оружия в бой «до третьей крови». Современная девушка должна уметь постоять за себя, за друзей и вообще!

– Ну, до поножовщины в тот раз вряд ли бы дело дошло, — сказал Иван. — Хотя — на лихой случай — и я с собой... кое-что железное прихватил.

– Агрессоры вы, — сказал Бозо, косясь на Марию.

– Да настоящие агрессоры нас — забыли?! — хотели в лесу пытаться! — добавила аргументов Юлёна. — А скальпелёчком востреньким перед носом нахала махнуть разок-другой — и... Ладно! Тут уже Машка сообразила: у гепеста в голени спрятано какое-то оружие! Машуня подала гепесту свой блокнотик розовый, угольный карандаш — рисуй! И он мигом нарисовал, что там у него вживлено. Оказалось, в самой кости спрятана какая-то палочка-выручалочка: размером с мой мизинец, но вдвое тоньше — её, наверное, не видно при сканировании тела, вот зортеки её и не нашли при обыске пленника. Гепестик, как взял мой скальпель, как пощу-

пал металл, к щеке зачем-то своей приложил, так, вижу, насмерть перепугался, и даже к стене отполз. Но тогда я его, уж простите, прижала к полу и успокоила быстро: говорю, я тебя один раз уже спасла, так что теперь доверяй хозяину положения, будь послушным мальчиком...

– Юль, ты говоришь о гепесте, как о домашней собаке, — хмыкнул Иван.

– ...Мы с подругой, говорю больному, теперь и не к таким происшествиям «Всегда готовы!» Он сразу успокоился — отвечаю! И тогда оценил по достоинству и мой скальпель, и, главное, пилки для ногтей. У карапубзиков нет ногтей, атавизма, значит и пилки не видел таких. А как перестал от страха дрожать, он на голени своей прочертил карандашом одну продольную линию и ограничил её двумя полосками поперечными «от и до», где делать надрез. Потом вернул скальпель мне и почти что по-русски сказал: «Режьте вы!» Я так я! Рука не дрогнет! — Юлёна обвела всех победоносным взглядом. — Тогда мы с Машуной магнитными лентами прикрепили больного к полу, обездвжили, надели хирургические перчатки, остатками спирта протёрли себе руки, инструменты — пилки для ногтей, ножницы, пинцет, скальпель, даже пузырёк с клеем — специальным, порезы в походах заклеивать, отец снабдил — и приступили к самой настоящей хирургической операции...

Юлёна опять остановилась, обводя присутствующих торжествующим взглядом.

– Конечно: меня резать и заклеивать напрактиковались... — поощрительно улыбнулся Иван.

– Ты, знай, записывай для потомков, — в ответ просияла Юлёна. — Заявляю: я как хирург и Машуня в качестве операционной сестры первыми среди землян сделали в космосе операцию инопланетному существу, без всякой анестезии! А теперь объявляю: я решила поступать в медицинский, на отделение хирургии. Потом напишу диссертацию: первую на Земле диссертацию по космической хирургии — ещё узнаете дочь таксиста с Урала!

– Гепест, однако, погиб, — сказал Бозо с едва сдерживаемым вызовом.

– Не от нашей операции! — возразила Маша.

– Не перебивай, Ромео! Ну и воспитание на Мероне! — прикрикнула Юлёна на капитана и кивнула на группу светящихся на экране точек. — Следи лучше за истребителями Тиамафа, чтоб не потерялись, а то Машка из-за тебя так и останется безотцовщиной. Дойду и до гибели раненого героя. Он оказался молодцом и умничкой, но, видно, сидение в холодильнике отразилось на психическом и волевом состоянии и временно — на дееспособности. Проще говоря, он ещё не оклемался от заморозки: дрожал весь, судороги пробегали по телу, и улыбался во все стороны как дурачок. Карапубз нарисовал нам, как по правилам нужно извлекать из кости трансформатор. На рисунке — потом у Машки в блокнотике посмотрите — есть какой-то хитрый маленький инструментик: только бы ты, Ванька... и, конечно, уважаемый инженер Дерган в нём разобрались, но у голыша из криокамеры — откуда инструменту взяться? Наверняка вскрывать ногу и доставать из кости трансформатор его обучили, но ждать, когда он окончательно придёт в себя, нам было некогда. Ладно, Машка его придавила своим весом, чтобы не дрожал и не дёргался...

– Короче, Юль, — сказал Иван. — У нас дел полно. Истребители Тиамафа, видите, вдруг, курс сменили, даже не предупредив нас... Нибара, свяжись с ними. Девчонки, что получается: гепест, пока общался с вами, усвоил русский язык?

– Стал сначала нас понимать, а потом и говорить по-русски, — сказала Маша. — Мы с Юлёной были в таком состоянии, что приняли это как должное.

– Мне у мавелов тоже показалось: они мгновенно осваивают языки, — сказал Иван. — Я общался с одним толковым гепестом, Фрагарием: начали, как вы, с рисунков, а потом он стал меня понимать, но времени не хватило...

– Конечно, мгновенно осваивают, — сказала Юлёна. — Я, драконом когда была, кричу карапубзам по-русски: «Кого покатаь на спине?» А они все: «Меня!!!» Короче, сделала я надрез. Машка расширила, держит края пинцетами, крови немного, зато кровь ярко синяя...

– В крови медь вместо железа, — полусказала-полуспросила Нибара.

– Первый известный мне случай, — озадаченно сказал Дерган. — Чтобы у развитой цивилизации в крови медь вместо железа. О гепестах я ничего не знаю. Откуда они? — Все недоумённо пожали плечами. — Продолжайте, первый хирург.

– Дошла я до кости. На ней сразу нашла отметки «от и до». Большой тем временем отключился: дёргаться перестал. Пилим, Маш, спрашиваю?!

– А куда нам было деваться? — сказала Маша, как бы оправдываясь. — Стены совсем близко: одной рукой можно обе достать, как в узком коридоре сидим, в длинной щели. Душно уже становилось...

– Инструмент! Скальпелем делаю на кости засечку, кость мягче нашей, или гепест совсем молодой, беру пилку для ногтей и работаю. А стенки-то всё съезжаются: тогда и Машка стала выпиливать кость — с другой стороны. Пропилили, как по рисунку, я подцепила крышку, сдвинула, а там, как в футлярчике, лежит себе эта металлическая палочка-выручалочка, ждёт своего мага. Я её аккуратненько так пинцетиком хоп и достала. А дальше обработали с Машу-ней рану, склеили разрез, йодиком, бактерицидный пластырь наложили, забинтовали — и всё: мы спасены!

– Так он же сознания потерял, — сказал Бозо.

– Дальше самое интересное, — интриговала Юлёна, с укоризной взглянув на единственного возмутителя. — Самое интересное! Все поняли? Не слышу ответа! Все поняли?!

– Все-е-е!!!

– Ну и что бы ты, Ромео, сделал дальше, окажись на нашем месте? — обратилась Юлёна к Бозо. — Земляне, говоришь, отсталые. Умник выискался! Включи-ка свой Кодекс. Вот у тебя в ногах в отключке лежит прооперированный гепест, между стенками осталось меньше метра, задыхаться начинаем уже конкретно, на ладони какая-то невесомая палочка — ну, твои действия, командир? Куда воткнёшь эту палочку? Как свистулька — на помощь звать — она не годится. Я поводила ею по мервудной стене — следа не осталось.

– Связь всё ещё барахлит? — спросил сестру Бозо, нарочито игнорируя обращение Юлёны.

– Тиамаф сообщает: по траекториям, которые скоро пересекутся с нашей, движутся с двух сторон большие группы летательных аппаратов, — ответила та. — Партизаны?

– Вряд ли: с ними мы договорились встретиться на подлёте к Мероне, — сказал Иван. — А вот за нами тоже кто-то летит и, увы, догоняет.

– С Олары нас может догонять только спецназ Угласа, — сказал Дерган. — И скоро догонит: корабль весь в пробоинах, штатный ремонт мы произвести не успели. Боя не избежать.

– Вот и давайте готовиться к бою, — сказал Бозо. — Чем слушать чувствительные рассказы...

– Тем более нужно дослушать Юлёну, — с напором сказал Иван. — Явно это новое оружие чудовищной силы.

Он вопросительно взглянул на Дергана. Тот кивнул.

– Правильно, — вставил Синтаро. — А меронийцы стратегически всегда были слабы. Настоящие лидеры в Союзе колыбелей — земляне! Говорите, Юлёна, подруга дочери Тимберлитты! Научиться делать такие дыры в имперских кораблях — это как раз к бою!

– Я и говорю карапубзу, — охотно продолжила Юлёна, — когда Машка ему под нос пузырёк с нашатырём сунула и он очнулся: давай, твоя очередь! Подняла его на ноги, отдала палочку-выручалочку. А когда рядом встали, он маленький такой, чуть выше мне пояса. Правда, большая собака. Я чуть не пристукнула его от возмущения: разве такой карапубз поможет?

– Да, честно, я тоже не верила, — сказала Маша. — Стены съезжаются: мы уже могли стоять в один ряд только, как в строю на линейке в лагере. Прощальную записку мамочке стала писать...

– А карапубз, наоборот, сделался спокойным и деловым: осмотрелся по обеим сторонам, потом приказал нам уйти в один конец коридора, а сам похромал в другой. Ну мы с Машкой, кое-как протиснулись в самый конец, присели на корточки, обнялись в последний раз, заплакали и тут — р-р-раз! и ещё р-р-раз! — нас потрянуло, и какой-то вихрь. Свет в щели погас, но я оборачиваюсь — свет идёт с того конца, где был карапубз. Мы с Машуней — туда. А там — страшное дело! — в противоположных стенах напротив друг друга две огромные дыры — человек, слегка наклонившись, пройдёт...

– А гепест где? — спросил Иван.

– Не знаем! Одна только кровь синяя по стенкам размазана и длинные капли летают!

– Я хотела позвать в дыру, а имени не знаю, — сказала Маша. — Стены перестали съезжаться, но в какую из двух дыр лезть — не знаем.

– Ну, без обид, — продолжила Юлёна, — я крикнула в обе дыры: «Карапубздик! Ты жив?!» Нет ответа. Зато вокруг всё оживилось как-то: задвигалось-застучало, зашумело-зашипело, а до этого было как в могиле — хоть, правда, предсмертную записку пиши. Потом в одной из дыр я разглядела капли синей крови — ну и полезли туда. Вдруг опять всё вздрогнуло!

– И корабль отклонился от курса сразу на полтора градуса, — сказал Иван.

– И вышли солнечные батареи, — добавил Бозо.

– Скорее всего, гепест по пробитым в корабле дырам напрямую прошёл в нужное место, и там в ручном режиме выпустил солнечные батареи, — сказал инженер Дерган.

– Мог бы и нас с собой взять, — с некоторым возмущением сказала Юлёна.

– Мог, но не стал, — сказал Дерган. — Если он размером с земную собаку, то крови у него не больше одного литра. Думаю, его смертельно ранило при первом же применении оружия, и дальше успех дела решали земные минуты. Трансформатор — явно совсем сырой опытный образец. Гепест спасал вас, девушки: нарочно оторвался, чтобы успеть привести корабль в работоспособное состояние, дать энергию.

– Ваш вывод, инженер Дерган? — спросил Иван.

Все обратились к Дергану.

– Если рассуждать по историческим аналогиям с другими цивилизациями, гепесты находятся в состоянии войны с зортеками. Гепест пожертвовал собой и дал в руки землян первый в известном нам секторе Вселенной преобразователь тёмной материи. Это невероятное по мощности оружие. Предтеча вечного двигателя. Гепесты, безусловно, наши союзники в войне с Империей.

– Не зря я их катала на своей спине, — просияла Юлёна. — Теперь у меня... у нас, землян, не только корабль, но и боевой трансформатор тёмной материи!

– Он самоуничтожающийся, ты забыла, — сказала Маша. — На несколько выстрелов только хватит, а главное, самого стрелка, пользователя, ждёт верная смерть.

– Факт смерти не важен, — сказал Дерган. — Великие открытия и войны на уничтожение всегда сопровождаются неизбежными жертвами.

– Иванечка, только вы сами не стреляйте, — сказала вдруг Нибара и вплотную подошла к Ивану. — Ключки по закоулочкам... Пусть боевые роботы стреляют — это их работа...

– Сестра! — воскликнул Бозо, но взглянул при этом на Машу. — Кому отдать трансформатор решаю здесь я, командир корабля! Так по Кодексу!

– Достал уже своим Кодексом! — взвилась Юлёна. — Ты командир над мервудной железкой — и всё! А стратегически здесь решает дочь Тимберлитты! Все поняли? Не слышу ответа. Все поняли?!

– Все-е-е!!!

– Лучше смотри, командир: что-то здоровенное навстречу летит, — уже более миролюбиво сказала Юлёна, показывая на синюю точку на экране.

– Ледяная глыба, — сказал Дерган. — Первый вестник. Подходим к ледяным полям.

– Целый айсберг! — присвистнула Юлёна, глядя на экран, где, сверкая в лучах далёких звёзд, почти встречным курсом летел, вращаясь, голубой небоскрёб. Она свернула губы дудочкой, высоко подняла брови и дурашливо выпучила глаза, что означало высшую степень удивления, граничащего с восхищением. — Не хотелось бы мне стать пассажиром второго «Титаника». На первом «Титанике» — перед концом — у героев случилась хотя бы настоящая любовь...

– Температура за бортом? — спросил Дерган, когда глыба пролетела мимо.

– Минус сто сорок два градуса по Цельсию, — ответил Иван.

Он уже разработал систему перевода показателей физических величин в метрическую систему.

– Может быть, при такой температуре маяки, установленные на обшивке корабля, перестанут работать? — сам себя озадачил Дерган.

Обстановка в рубке разрядилась.

– И живым гепеста вы больше не видели? — спросил Дерган у Юлёны.

– Мы нашли его живым! — опять воодушевилась девушка. — Только лежал он там без обеих ног, без одной руки и весь насквозь дырявый: правда-правда, местами насквозь просвечивал! Кровь-то свою уже всю пролил. Машуня его спрашивает: как вас зовут? А он перестал дрожать и дёргаться, всхлипнул и притих.

– А потом стал расплзаться, растекаться и даже кусочка не осталось, — сказала Маша. — Страшное зрелище...

– Это включилась система самоликвидации тканей тела, — сказал Дерган. — Хотя бы этим гепесты похожи на некоторые известные мне цивилизации.

– А удобно: и кладбищ не нужно, — сказала Юлёна. — Не люблю похороны: и без них радостей в жизни мало. «Зарница» — всю зиму ждала! — и та с жертв началась и ещё неизвестно чем кончится.

– Гепест как личность мог и не кончиться, — сказал Синтаро девушкам в утешение.

– Ну да, как память, — сказала Юлёна, выразительно взглянув на юного оларийца. — Я своих никогда не забуду!

– Не так, — сказал Синтаро. — Вы видели, как разумная жизнь покинула физическое тело гепеста, но это не означает смерть индивида. Это я, окажись на месте гепеста, умер бы окончательно. А гепест мог перейти в энергетическую форму бытия и когда-нибудь сможет вернуться в материальную форму.

– Ничего себе! — почти закричала Юлёна. — Да гепесты, значит, бессмертны?!

– О них мы ничего не знаем, — сказал Дерган. — Но одна такая цивилизация в нашем секторе Вселенной уже известна.

– Вы считаете: переходы сознательной жизни из физической формы в энергетическую и обратно доказаны? — спросил Иван у Дергана.

– Доказаны, но не экспериментально. Мне не приходилось самому наблюдать.

– Маш, мавелы спасли нас, но слишком многое утаили, — сказал Иван.

– Правда, Маш! — подключилась Юлёна. — Дали бы нам в помощь одного карапубздика с трансформатором. Он мелкий, ничего не весит, невелика дополнительная нагрузка для челнока Церолы.

– Не знаю я, — сказала Маша. — Может быть, это не их тайна.

– А я догадываюсь, — сказал Иван, — под прикрытием мавелов гепесты работают над сверхоружием...

— Думаю, гепесты работают над трансформаторами тёмной материи, — сказал Дерган. — Это означает грядущую технологическую революцию вселенского масштаба. А производство оружия — только одно из прикладных направлений.

— Жалко, люди не могут возвращаться к жизни... — с ноткой грусти сказал Синтаро и опять посмотрел на Юлёну.

— Сверхоружие... — пробормотал Иван. — Не понимаю, почему наш корабль не взорвался? Ведь трансформатор пробил обшивку в пяти местах.

— У имперских кораблей класса «линкор» и «крейсер», — сказал Синтаро, — автоматически происходит мгновенная замена физически пробитых поверхностей ремонтными листами мервуда.

— Моментальные заплатки?

— Да. Нужно сделать очень много дыр в крейсере, чтобы автоматика не сработала или чтобы заплатки в пробитом секторе корабля закончились.

— То есть, достаточно несколько раз выстрелить в одно и то же место и корабль-таки пробьёшь насквозь?

— Верно. Но у истребителей Тиамафа нет оружия такой точности и пробивной силы.

— Поэтому они всегда отступают, когда сталкиваются с отрядом тяжёлых кораблей имперцев, — добавил Дерган.

— Выходит, не исключено, что Тиамаф сейчас рванул подальше от нас, чтобы уйти от имперского флота? — спросил Иван.

Он взглянул на Машу и с выражением неприятия вполне ожидаемого ответа покачал головой.

— Это допустимо и правильно, — сказал Бозо. — Тиамаф действует оптимально. Так по Кодексу, — добавил он, видя, что все земляне смотрят на него с недоумением и укоризной, — если не можешь помочь — спасайся сам.

— Опять мы одни! — возмутилась Юлёна. — Одни посреди... пятого океана, как говорит мой папа, — она взмахнула рукой в сторону экрана. — Папа хотя бил меня в детстве, но здесь бы не бросил!

— И мой папа не бросил, — сказал Иван и кивнул Бозо на экран: мол, смотри в оба!

— Тиамаф не успел узнать, что дочь совсем рядом, — сказала Нибара. — Может быть, он и не ушёл бы. Я понимаю: генерал поступил не по-земному, но...

— Не исключаю, что Тиамаф огибаёт ледяные поля, а потом присоединится... — сказал Дерган.

— Нас догоняют! — перебил Бозо. — Семь кораблей нашего класса и выше, идут походным строем. На этот раз нам не уйти. Дочь Тимберлитты, объявите совет.

— Объявляю совет, — сказала Маша. — По старшинству: инженер Дерган.

— Вижу единственный выход. Гепест передал землянам опытный образец оружия, о котором не знает пока никто. Тяжёлые имперские корабли уязвимы для этого оружия. Наша задача: доставить оружие как можно ближе к противнику, занять такую позицию, чтобы можно было с одной точки стрелять по всем кораблям.

— Значит, попасть в геометрический центр отряда кораблей противника, — сказал Синтаро.

— Верно, — продолжил Дерган. — И это нужно сделать не мешкая, пока корабли противника из походного строя не развернулись в боевой порядок. Дальше — прицельно стрелять в корабль по одному месту, стрелять быстро, чтобы другие корабли не успели развернуться и уйти. Противник обязательно снимет параметры нашего огня, и тогда зортеки могут многое понять. Оружие будет рассекречено, а у Империи появится ещё один веский мотив продолжить войну с Союзом колыбелей. Все корабли противника нужно уничтожить одним махом, чтобы они не успели переработать техническую информацию и отправить её на базу. Всё.

– Тот воин, кто пойдёт на это, погибнет, как гепест, — сказала Маша очень строго и пафосно. — Своим оружием мы можем отбиться?

– Исключено, — сказал Бозо и опять посмотрел на Машу. — Я бы пошёл, дочь Тимберлитты, с радостью, но моя миссия не завершена, не имею права.

– Теперь видно: три линкора и четыре крейсера, — уточнил Иван. — Общая огневая мощь... раз в пятьдесят превосходит нашу. Плюс: они кадровые военные, мы — игровые.

– Мы как крейсер «Варяг» против японской армады, — сказала Юлёна и запела. — Наверх, вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает, врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...

– Я пойду против армады! — вскричал Синтаро, обращаясь к Юлёне. В его взгляде светилась жертвенная любовь и ещё был вопрос. У Юлёны перехватило дыхание, но она промолчала. — Покажем Союзу колыбелей: и олорийцы научились воевать!

Последние слова адресовались уже к дяде, Дергану. Он промолчал тоже, лишь закрыл глаза и опустил голову.

– Есть ещё добровольцы? — суровым тоном спросила Маша.

– Гепеста одного хватило, — поспешил ответить Синтаро. — Я самый малоценный человек в этом походе. Вы, великолепные земляне... — сбился он от волнения, — вы даже своей прекрасной грудью... во спасение других... Я обещал вам... — он опять посмотрел на Юлёну, как бы прощаясь, — отдать жизнь за вас.

– Ещё предложения? — Маша сделала длинную паузу. — Если других возможностей спасти миссию нет... Юлёна, отдай оружие Синтаро, покажи рисунки и объясни ему всё, чему научил нас гепест.

– Я занесу подвиг Синтаро в свою книгу, — едва слышно сказал Дерган. — Молодёжь гибнет раньше стариков.

– На Земле такое часто бывает, — сказала Юлёна и взяла Синтаро за руку. — Пойдём: я дала клятву дочери Тимберлитты о неразглашении: только тебе я покажу, как включается трансформатор...

– Нам нужно снять как можно больше параметров с этого... испытания, — сказал Иван вслед выходящим из рубки Юлёне и Синтаро. — Звучит кошунственно, я понимаю, но и у меня своя миссия. Преобразователь самоликвидируется или будет утрачен во время боя, а нам нужна информация...

– Иванечка, жертва во имя науки и победы — это не косунственно, — сказала, страшно волнуясь, Нибара. — Это земное геройство. Я бы предложила себя в добровольцы, но, боюсь, не выдержу физической боли: как без рук, без ног стрелять в цель? Нет, я не смогла бы, мне страшно.

– Локти себе кусаю, что не смог снять параметры сухой грозы в Заветном лесу, — сказал Иван. — Эх, знал бы я тогда, в мире мавелов, с кем говорю, кто мне рисует...

– Узнаем о сухой грозе у Церолы, — сказал Бозо, — если она сможет вернуться с Земли... Опять я недооценил её. К бою! Разворачиваюсь и иду навстречу противнику. Синтаро выпустим с нижней палубы на разведывательном аппарате.

– Нет, — твёрдо сказал Дерган. — Лёгкого разведчика противник собьёт или даже отбросит в гиперпространство. Предлагаю отправить Синтаро под видом рассыльного. Штатные курьерские капсулы не вооружены, имперцы это знают: они будут ждать от нас посылку и не станут сбивать курьера. Нужно только сильно заинтересовать их содержанием посылки.

– Им нужны всего лишь наши головы, — усмехнулся Бозо, всё ещё не привыкший к возражениям. — Отрежем друг другу головы и отошлём?

– Сейчас не время тренировать себя в земном скалозубстве, — одёрнула капитана Маша, и приказала Нибаре. — Вот объединённый кристалл Земли и Мероны. — Она передала камень в руки Нибары. — Просканируй кристалл, отправь зортекам картинку и сообщение: «Если это

то, что вам нужно, мы сейчас отдадим, но позвольте нам уйти, в противном случае эта вещь погибнет вместе с нами».

– Так кристалл всё же с вами, дочь Тимберлитты, — сказал Дерган. — И вы не помогли источнику Олары... А моего Синтаро посылаете на верную смерть...

– Простите, — сказала Маша, положив руку на сердце. — Я почти бессильна — пока. И кристалл холодный — потрогайте сами.

– Ваша юность извиняет вас, — ответил Дерган, не принимая кристалл. — Чудес не бывает. Если Великая Тимберлитта жива, она возродит источник Олары. Бедный мой Синтаро...

– Зортеки могут не поверить, — опять возразил Бозо. — На Земле мы перебили целый отряд их кораблей, а тут вдруг без боя отдаём добычу.

В рубку вернулась Юлёна. Расстроенная, она сразу не приклеилась к полу и теперь медленно, переворачиваясь, взлетала под потолок.

– Будто на железнодорожном вокзале на фронт провожала, — сказала она Маше, ухватившись, наконец, за протянутую подружкой руку. — Как в старом военном кино. Только «Марша славянки» недоставало...

– Пришёл ответ, — доложила Нибара. — Они требуют и кристалл, и Марию. Тогда остальным позволят уйти на Мерону. Ответ исходит от самого Угласа — это его подписной значок.

– Ага, Марию им! — сразу оживилась Юлёна. — Пусть слизняки отухнут!

– самого Угласа в том отряде быть не может, — сказал после короткого раздумья Дерган, — но с ним уж как-то очень быстро связались...

– Углас где-то рядом, — сказал Бозо. — Значит, это он отогнал Тиамафа.

– Отряд Тиамафа должен был лететь с нами на Мерону? — спросил Дерган.

– Нет, он отправился на секретную базу Угласа, — сказал Бозо. — Никто не знает, это планета или станция. Генерал долго её искал, а нашли мы — в маршрутных картах на этом трофейном корабле.

– Координаты базы нашли вы? — переспросил Дерган и нахмурился.

– На Оларе я передал координаты военной базы Тиамафу, — пояснил Иван, — и он сразу решил идти туда — на глубокую разведку или, если удастся сыграть на неожиданности, даже атаковать...

– Вы отправили Тиамафа в ловушку, — глухо сказал Дерган. — Координаты планет-баз, планет-заводов, станций, больших маяков, входов и выходов в кротовые норы и прочих военных объектов теперь заведены в память пилотов и уничтожаются вместе с ними.

– Оба экипажа нашего «Варяга» — основной и запасной — физически уничтожены, — холодея от сознания совершённой ошибки, сказал Иван. — А зачем тогда координаты заведены на корабль?

– Ловить простофиль, — сказал Дерган, обратившись к Ивану. — Проверь сейчас повнимательней: все координаты разными путями ведут к нескольким точкам пространства. В них устроены ловушки.

– Маш, я не знал, — упав духом, дрогнувшим голосом сказал Иван. — Я сейчас проверю...

– И меня на тактических курсах в военной школе этому не учили, — сказал Бозо, тоже с тревогой посмотрев на Машу.

– Так ведь и оставите мою подругу безотцовщиной, космонавты вы липовые. — Юлёна обняла подружку и прижала её голову к груди. — Только мы с Машкой и воюем за вас! Маш, ну не плачь! Сергей Сергеич прилетит — научит этих гражданских, как нужно воевать. Мы тебя зортекам не отдадим. Мы их, Маш, обманем — на войне с «другими» все тактики хороши, мы

под рыцарскими правилами ведения боя не подписывались. А твой генерал опытный, уже сто земных лет воюет: может, ещё сам отобьётся...

— Это их новейшие тактики, — сказал Дерган Ивану, когда тот провёл расчёты, убедился в правоте слов старого инженера и теперь рвал синие волосы на своей голове. — Империя ощутила: сопротивление Союза, благодаря партизанам, резко усилилось, и зортеки приготовились к возможному абордажу и захвату противником своих тяжёлых кораблей. Вы первые захватили крейсер — первые и попались.

— Кинули, как пацана, — сокрушался Иван, не находя себе места. — Всё шапкозакидательство моё: «Иванечка»... «Герой»... А бой идёт не до «третьей крови» — на уничтожение!

— По местам! — скомандовал Бозо. — Земляне, соберитесь!

— Курьер к старту готов, — доложила Нибара, с тревогой взглянув на Ивана.

— Сестра, запроси подтверждение, что подпись именно Угласа, — сказал Бозо.

— Уже выполнено, получаю ответ, — ответила Нибара. — Картинка идёт... даже не пойму, что там у зортеков такое... анатомический театр, что ли?.. — Вдруг она вскрикнула, побледнела и пошатнулась. — Нет... Нет... Так нельзя... Мама!

Иван подхватил потерявшую сознание Нибару, уложил на пол и прикрепил магнитами. В это время Бозо как окаменел, глядя на почтовый экранчик.

— Опять ей поплохело, — возмутилась Юлёна. — Как идти в бой, так она в отключку!

— Вань, что за ответ пришёл? — спросила Маша, нагибаясь над Нибарой. — Чья мама?

— Кадры... вскрытия какой-то женщины, меронийки, — ответил Иван. Он заслонил собой экранчик от подруг, крепко взял за руку Бозо и движением глаз позвал к себе Дергана. — Вскрытия или... казни, в присутствии Угласа.

— Ну, это может быть и постановка! — вспыхнула Юлёна, ещё раз возмущённая, что её лучший друг не даёт ей посмотреть. — Психическая атака на слабонервных.

— Или копия, клон женщины, — сказала Маша.

— Вот именно! — рванулась к экранчику Юля. — Но я крови-то насмотрелась. Пусти, Вань! Наши киношники запросто...

— Нет, — перебил Дерган, — есть безошибочные техники определения мёртвого тела любого биологического организма. Это Аркасия, мать Бозо и Нибары. Её казнили — недавно.

— Что ещё? — обратилась Маша к Дергану, остановив всё же подругу.

— Империя взяла Землю под свой протекторат, — пересказывал Дерган пришедшее сообщение. — Союз Семи колыбелей распался по факту, Кодекс не действует, хранители потеряли свои компетенции руководителей...

— П-хы! — пыхнула Юлёна и перекосила лицо на правую сторону, что означало высшую степень пренебрежения угрозой. Она вырвалась из несильных объятий подруги. — У нас так заявляли махновцы во время Гражданской войны, и сами воевали со всеми: с белыми, с красными, с немцами, с Антантой, с помещиками и между собой. Землян не проведёшь: Углас блефует!

— Я тоже так думаю, — сказал Дерган. — Ещё он сообщает: только что захватил отряд Тиамафа, и благодарит тех, кто направил истребители генерала в ловушку. А вот это не блеф.

В рубке воцарилось молчание. Бозо и Иван, переживая случившееся, выключились из оперативной работы. Корабль потерял управление.

— Командуйте, дочь Тимберлитты, — сурово сказал Дерган. — Иначе нам несдобровать.

— Инженер Дерган, — начала Маша, преодолевая волнение, — Синтаро знает, как действовать?

— Да. Сначала он будет стрелять по энергетическим контурам кораблей противника, чтобы возникли общие помехи в управлении, включая помехи в применении атакующего оружия. Тогда экипажи вынужденно переключат внимание на борьбу за живучесть, и Синтаро вторыми залпами станет бить по машинным отделениям, чтобы остановить корабли.

Лишив манёвренности, третьими залпами он будет пробивать летящие по инерции корабли насквозь в одном месте, как решили. На почтовой капсуле он установил нужное оборудование — и запись параметров боя будет передаваться на наш корабль, Ивану.

– А у нас после пальбы гепеста машинное отделение в порядке? — спросила Юлёна, как бы удивляясь собственному умному вопросу. — Я отдала Синтаро копию рисунка нашего крейсера, тот, который гепест нацарапал в записной книжке.

– Гепест не повредил ни одного важного для выживания отсека, — сказал Дерган. — Включая машинное отделение. Явно, он хорошо знал схему корабля. Ваш рисунок, Юлёна, поможет Синтаро сражаться. Но только не выжить ему самому...

– За вами — машинное отделение, — приказала Маша Дергану. — За тобой, Иван, управление кораблём. За тобой, Бозо, вооружение: приказываю всеми огневыми средствами поддерживать Синтаро, отвлечь от него внимание противника. Мы с Юлей поможем Нибаре. По местам!

– Благодарю вас, дочь Тимберлитты, — сказал Дерган Марии, уходя в машинное отделение, — что не позволили мне увидеть гибель Синтаро.

– Опять мы медсёстры... — бурчала Юлёна, когда мужчины направились к выходу из рубки. — Ну, её, эту войну! Все планы к чёрту! И Джульетта опять... как тряпка! Хорошо, хоть кровь на этот раз не идёт...

– Юль, не бухти! — строго сказала Маша. — Завтра мы сами можем оказаться в таком состоянии. — Теперь хоть салфетки и одеяла есть... Взяли!

Девушки подняли Нибару и перенесли в гигиенический отсек. Когда они вернулись, Иван уже пришёл в себя и занимался привычным делом — вычислениями.

– Маш, мы опять втроём, как до войны, — сказала Юлёна. — Вань, мы команда, и посреди космоса — вот здорово, да? Что ты там всё считаешь, как дурачок?

– «У старинушки три сына, — ответил Иван, не отрываясь от работы, — старший умный был детина, средний сын и так, и сяк, младший вовсе был дурак. Поле всё Иван обходит, озираючись кругом, и садится под кустом; звёзды на небе считает да краюху уплетает».

– Я серьёзно, а он мне «Конька-горбунка», сказку рассказывает!

– Иван-дурак и рассказывает: «Всю я ноченьку не спал, звёзды на небе считал...»

– Звёзды он считал! Их вон сколько! Неужели эти уроды нас взаправду сейчас грохнут?

– Наша «Зарница», девчонки, переходит в стадию кульминации. Пуск! Докладываю: почтовый аппарат с Синтаро стартовал со второй нижней палубы. Вон, видите, светлая точка пошла — это наш друг с Олары. А те семь больших точек навстречу — это флот Угласа. Теперь я приторможу и займу позицию для обстрела...

– Одна малепусенькая точечка против семи большущих фонарей?! — вскричала Юлёна. — Бедный Синтаро...

– Должен справиться, — твёрдо сказал Иван. — Ты, Юль, молодчина: вдохновила — как у парня горели глаза! О! Сзади подлетает группа ледяных глыб: посмотрим их траекторию...

– Вышел на исходную, — доложил Синтаро. — Огонь через два вдоха.

– Включаю запись физических параметров боя... — доложил Иван. Его устремлённые на большой экран глаза округлились и лихорадочно блестели, а руки бегали по пульту без участия глаз. — Был бы рядом отец!.. Только не забыть: позади остались две группы неопознанных кораблей, — приказал Иван самому себе. — Синтаро открыл огонь! Есть первое попадание!..

Глава 14. Воспоминания о Земле

Тимберлитта несколько не сомневалась, что император сдержит своё слово. Когда по неукоснительно соблюдавшемуся распорядку дня наступило время очередной прогулки, Тимберлитту доставили в Заветный лес и оставили там одну. С замиранием сердца кинулась она к стволу того самого дуба, в котором раньше услышала родной и почти забытый шум звёздного ветра. Она охватила ствол руками, прижалась к нему всем телом и замерла в ожидании. Произносить заклинания не имело смысла: магических сил у неё не было, и она только мысленно просила неизвестно кого и неизвестно что — старую заветную добрую силу — сжалиться над несчастной матерью и помочь ей спасти свою дочку и мужа. На большее её сейчас просто не хватало.

Но звёздного ветра Тимберлитта не услышала. Тогда она подошла к другому дереву, обняла ствол, но опять ожидаемого не случилось.

Наверное, Углас перекрыл канал в открытое пространство, думала Тимберлитта. Или он отклоняет направление потоков звёздного ветра. Заветный лес, скорее всего, помещён в какую-нибудь сплошную физическую сферу, наподобие мыльного пузыря. Нужно найти, чем прорвать его тонкую стенку...

Озадаченная, но полная решимости, Тимберлитта вышла на полянку с лесной клубникой, уселась в траву и запела старый гимн жриц Луны. Тут же её окружили бабочки и певчие птички, на ближний пенёк вскочил и забарабанил лапами молодой заяц, пришмыгал откуда-то из травы суеливый ёж, наконец поблизости уселся на сухой сук дежурный ворон и посмотрел на Тимберлитту одним глазом... Ба! знакомые всё лица! Здравствуйте! Тимберлитта встала и поклонилась во все стороны. Потом она ела ягоды клубники, слушала пение соловья, гладила землю и стволы деревьев, подставляла палец семиточечной божьей коровке, щекотала шею травинкой и всё больше погружалась в знакомую с раннего детства атмосферу. Она чувствовала: благодать Заветного леса вливается в неё. По всему выходило, что Углас сильно промахнулся: он, значит, распорядился не синтезировать лес по добытой информации, а привезти с Земли сами биологические образцы натурального Заветного леса. Но такой лес — это же её лес! Её лес-защитник, её заколдованный лес-спаситель.

И Тимберлитта вдруг вспомнила сказку, в которой угодившая в беду девочка просит дикую лесную яблоню укрыть её своими ветвями, а за спасение готова съесть кислое яблочко. В Заветном лесу, в котором Тимберлитта выросла, были дикие яблоньки, были и дикие груши, а берега опоясавшего лес ручья заросли кустами тёрна и шиповника — все в страшных колючках... Тимберлитта подростком любила побаловаться, когда её наставницы отдыхали или, как случилось в день отлёта Тимберлитты с Земли, несколько упивались на праздниках. Крепкой подвижной девочке скучно было всё время играть с безобидными зайчиками да косулями: ей нужен был сильный противник, как, по закону жанра, дикарю Маугли необходим был тигр Шерхан. Что значил бы Маугли без Шерхана? Кому интересен был бы Маугли без Шерхана? И маленькая Тимба втайне от своих не слишком строгих наставниц иногда сотворяла себе какую-нибудь игрушку — Страшиллу, Пугало, Лешего, а то и настоящее Чудо-юдо. Нередко она весьма самонадеянно наделяла противника изрядной магической силой и затевала с ним нешуточные погони и поединки. А когда такая погоня грозила закончиться для Тимбы совсем уж плачевно, азартная девочка, растеряв в столкновениях почти все свои магические силы, кидалась за помощью к деревьям Заветного леса. И те выручали: ствол дуба мгновенно скрывал Тимбу и она уносилась в мир мавелов, а там, рядом с благодушными великанами, легко и быстро восстанавливала свои силы; дикая груша и кусты тёрна закрывали её своими колючими ветвями, когда девочка, морщась от горечи и кислоты, наспех съедала несколько плодов

и широко разевала рот и высовывала язык, показывая кустам, что добросовестно проглотила всю их отраву...

Вспомнив это, Тимберлитта пробежалась по лесу и убедилась: её крепкие красавицы-груши с шипами длиной в человеческий палец, её непроходимые заросли тёрна и шиповника — все на своих местах. Молодец, Углас! Тогда она сбросила с себя всю зортековскую одежду и стала здороваться со спасателями из своего детства: гладила колючие стволы и ветки, орошая их каплями собственной крови, ела горько-кислые плоды, сушую отраву, от которой давно отвыкла, а потом показывала отравителям, как в детстве, чистый рот... Груши и тёрны сразу признали Тимберлитту: они встрепенулись, заволновались, зашумели, переговариваясь между собой, а потом стали вытягивать свои корни из земли и привставать. Весь лес пришёл в движение. Наконец, чёрный ворон, бывший на хорошем счету ещё у жриц-наставниц Тимберлитты, громогласно каркнул, сорвался с наблюдательного сука и почти вертикально взлетел. Тут же за ним, вытянув из земли последние стержневые и боковые корни, с треском и ломом, ринулись ввысь сотни деревьев и кустов. За ними с тонким свистом последовали колонны острых и длинных ножей осоки с берегов ручья и отряды заточенных веток и сучьев, оторванных вихрем от сухостоев. Следом, свернувшись в комки и шипя, улетели ежи... Все колючие и режущие обитатели Заветного леса разом ринулись колоть, резать и рвать оболочку сферы, в которую Углас заключил их родной лес.

Через весь этот вихрь и землепад Тимберлитта бросилась к стволу дуба, обняла его всеми членами и запела старый гимн жриц Луны. Что творилось на оболочке внешнего и внутреннего мира Заветного леса она не знала, деревья-спасители и дежурный по лесу ворон не возвращались, только свет в лесу стал мигать, но совсем скоро она услышала родной звёздный ветер — сначала тихо-тихо, с переборами, потом отчётливо и постоянно, как зимними ночами в степи воеет ветер в печной трубе.

Тимберлитта открыла глаза и осмотрела свои ладони, руки и грудь: только что они были в крови, а сейчас на её глазах царапины и проколы затягивались и исчезали бесследно. В голове её зашумело, пульс в висках колотился как сумасшедший, поднялась температура, возникли земные видения. Тимберлитту водило, шатало, отбрасывало, но она снова и снова старалась прикинуть к стволу. Наконец две косули уткнули свои узкие лбы в спину Тимберлитты, упёрлись копытами в землю и не позволяли ей упасть.

И на Тимберлитту снизошло знакомое просветление. Так уже бывало, давно, в детстве, когда огорчённые её беспечностью и шалостями старшие жрицы на время лишали послушницу магических сил, а потом, простив, возвращали их. У повзрослевшей Тимберлитты, когда к ней перешёл статус хранительницы земного источника, отобрать магические силы было нельзя. Даже осторожные мавелы, пожелай они, не могли бы этого сделать. Только она могла распоряжаться силами в своём магическом мире.

Тимберлитта понимала, что у неё не так много времени. Угласу, наверное, уже доложили о беспорядках в Заветном лесу, но он сейчас, во-первых, далеко от базы, а во-вторых, занят серьёзной операцией и не сможет быстро вернуться. А с его охраной Тимберлитта, вновь став магией, должна справиться — по крайней мере, здесь, в Заветном лесу, где физические условия враждебны зортекам.

Тимберлитта отошла от ствола и, в точности повторив движение глаз Угласа, открыла экран. Она обнаружила, что Углас и здесь промахнулся: он уверовал, что его пленница, даже если в его отсутствие немного накачается магической силой, не сможет открыть всю информацию об операциях имперского спецназа на Земле. Тимберлитта же, не пожалев вновь обретенных сил, быстро взломала коды просмотра и отыскала навигатор. С восторгом наблюдала она, как «тот пацан», школьник Иван, главный защитник её Марии, меньше чем за один вздох испепелил два крейсера Угласа. Испарил те самые непобедимые для меронийцев ударные крейсера с отборным спецназом, который пленил её и Аркасию, и едва не захватил новорождённую

дочь! Вот у какого пацана поучиться бы Тиамафу, с горечью думала Тимберлитта. Бедный мой Тиамаф! Несчастный мой неудачник! Углас хочет убить тебя на глазах супруги, чтобы лишить меня остатков воли. Но теперь этому не бывать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.